

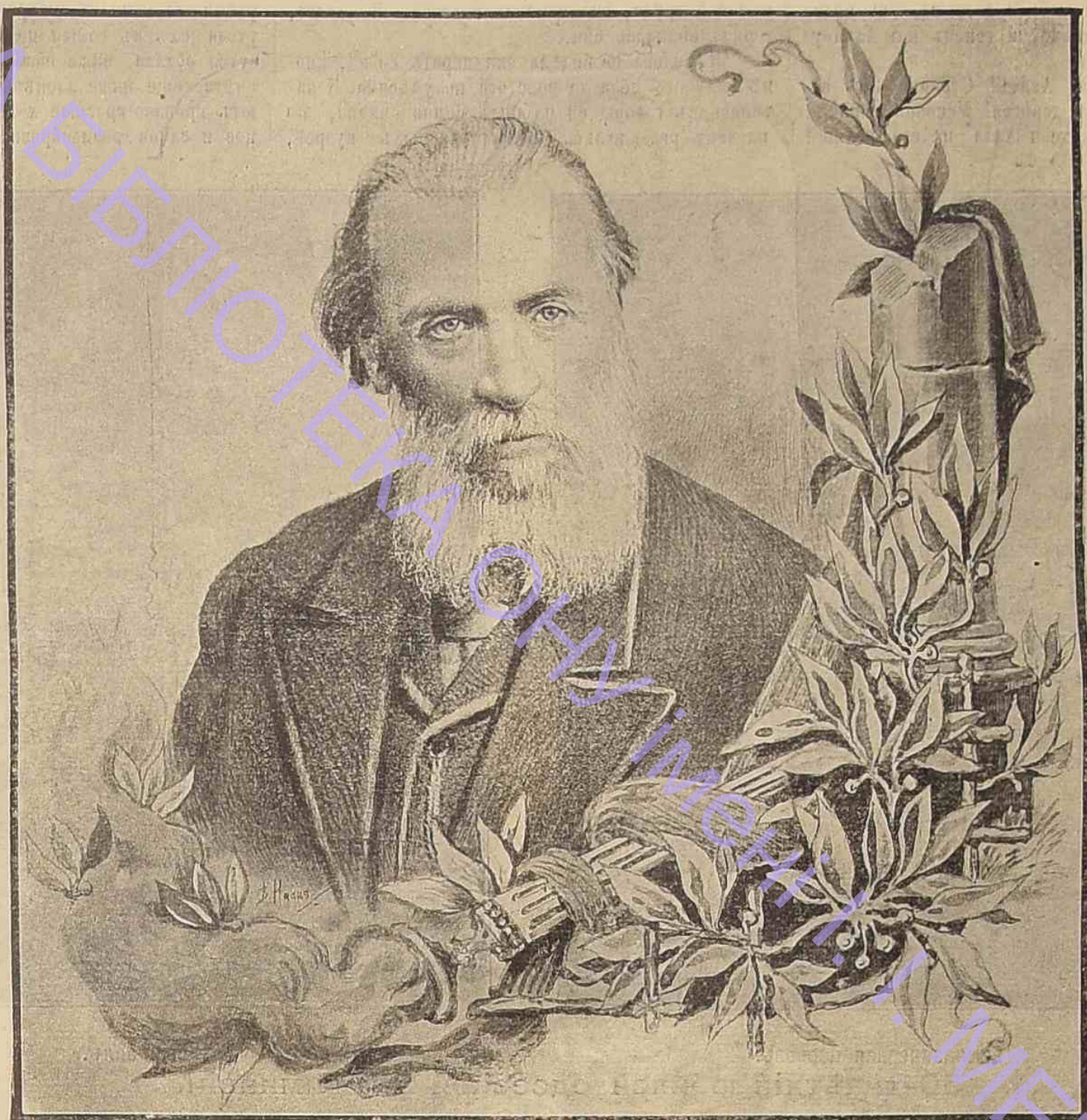
ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4437.

Воскресенье, 25-го Октября, 1898 г.

№ 4437.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

† 18-го октября 1898 г.

Въ горахъ Кавказа

Поэма.

I.

Весь міръ въ одномъ человѣкѣ!.. Да, это такъ! И роскошь палатъ, и садъ, полный цвѣтовъ, и шумныя улицы не манятъ, не тѣшатъ меня! О, Алла! Какъ пустынна жизнь безъ Омара!

Войду ли я въ мечеть, затеряюсь ли на шумной площади среди толпы—всюду одинъ голосъ неотступно шепчетъ: «безъ Омара все без-

смысленно, все безцѣльно на землѣ, безъ Омара отовсюду вѣетъ смерть».

Такъ говорила, такъ думала Альба. И выйдя со словами изъ груди ея вырвался тяжелый вздохъ. Она то вскакивала съ голубой оттоманки, надъ которой сочный лотосъ протянулъ свои причудливыя лапы, то снова безцѣльно опускалась на нее. И теперь она лежала. Мысли Альбы были далеко отъ кіоска, въ которомъ все, казалось, было устроено для сладкой пѣги, для покоя. Ряды тропическихъ растений, стѣны, сплошь завѣшенные персидскими коврами, тонкій запахъ опопонакса, которымъ были пропитаны всѣ окружающіе предметы, ис-

кусственный бассейнъ съ фонтаномъ,—все это убаюкивало и ласкало.

И изъ этой таинственной обители Альба вѣсь своимъ существомъ переносилась далеко за предѣлы города. Она рисовала себѣ картину, знакомую ей съ ранняго дѣтства—закатъ солнца въ горахъ. Она переносилась въ эту волшебную феерію. Передъ взоромъ Альбы вставали черныя, бурныя, красныя горы, горы всевозможныхъ цвѣтовъ, убѣгающія въ даль безконечной грядой. А надъ горами медленно блѣднѣли голубыя и пѣжно-розовыя небеса... Вотъ на полянѣ, испещренной цвѣтами, лежитъ Омаръ. Добрый конь пасется невдалекѣ. Но вдругъ пе-

ресталь онъ вѣтъ, высоко поднявъ голову, насторожилъ уши... въ отдаленіи, за темными холмами, мчитъ разбойникъ Ахметъ.

Быстро, какъ испуганная лань, вскакала съ ложа своего Альбай. Воображеніе такъ ярко нарисовало грознаго бандита, что она бросилась бѣжать изъ кіоска. Она теперь боялась его тишины. Она хотѣла стрихнуть съ себя назойливый мысли, вивавшіяся въ нее, какъ кровососы.

Альбай трижды ударила въ ладоши. Черноглазая служанка выросла у порога.

— Что же, Азизъ, не видно нашего дорогого всадника? Не прѣбжалъ еще голецъ изъ Альпоула?

— Нѣтъ, моя добрая госпожа, не видно нашего дорогого всадника, и голецъ изъ Альпоула еще не прѣбжалъ!

— Иди за мной, Азизъ! Страшно мнѣ одной въ кіоск! Азизъ, дорогая! Успокой меня!

— Да утѣшишь тебя Алла и его великій

стѣ съ нимъ на эту опасную перестрѣлку, гдѣ пули дикаго курда могутъ... О нѣтъ, о нѣтъ!.. Клянусь Магометомъ, я въ самахъ нѣдрахъ земли, и на небесахъ найду убійцу! Я вырву и растоплю его глаза, и позирну ему въ муки, какими позна теперь моя душа! Алла! Отдай мнѣ Омара!

Съ этими словами Альбай упала на колѣни. Изъ ней въ открытое окно долетѣлъ протяжный голосъ муэдзина, звавшего правоверныхъ къ молитвѣ съ высокаго минарета мечети.

— Азизъ, оставь меня.

И снова Альбай очутилась одна въ обширномъ кіоскѣ. Она сложила свои бѣлые руки на высокой груди, она поникла головою. И долго, горючо молчала она.

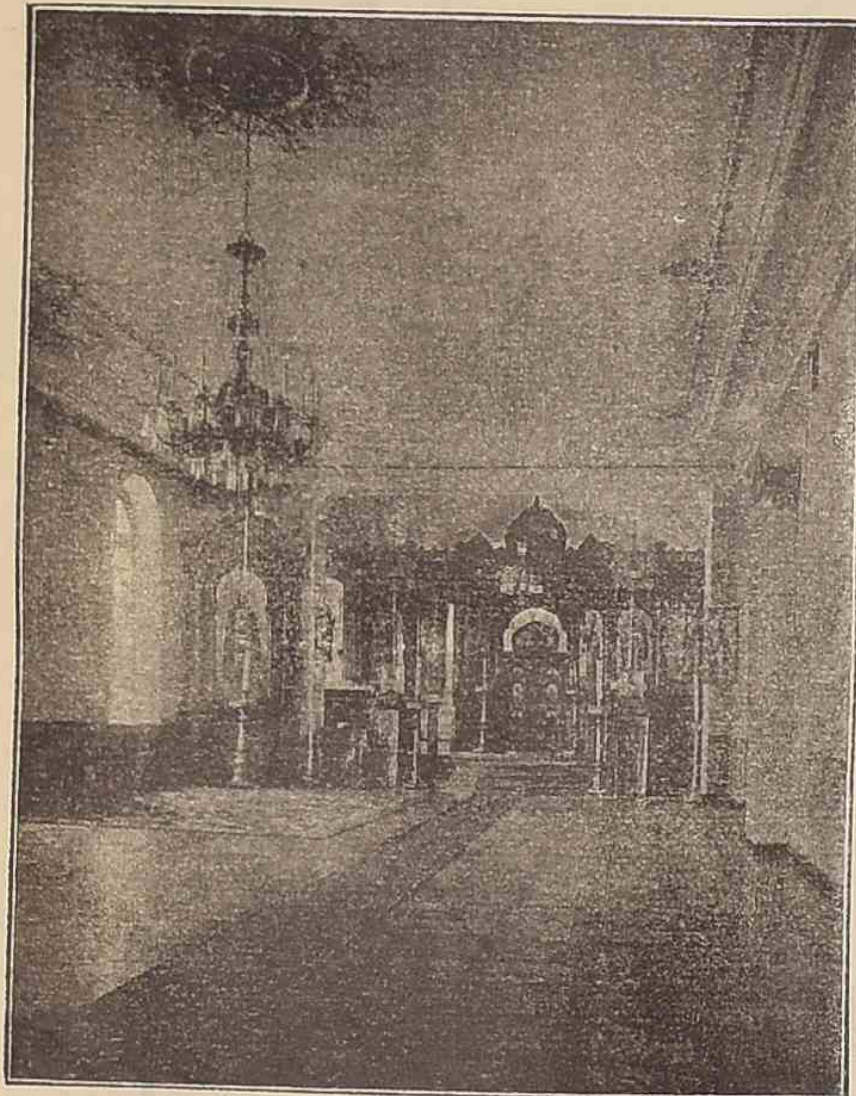
И ничего не видѣла она передъ собой, кроме голубого неба да золотого полумѣсяца. Покатилась съ головы ея на полъ синія чалма, по плечамъ разсыпались волны черныхъ кудрей,

въ которой мирно спала Альбай. Здѣсь зажгла она пичникъ и съ радостной улыбкой остановилась передъ голубой оттоманкой. Ей было приятно видѣть спокойный сонъ своей госпожи.

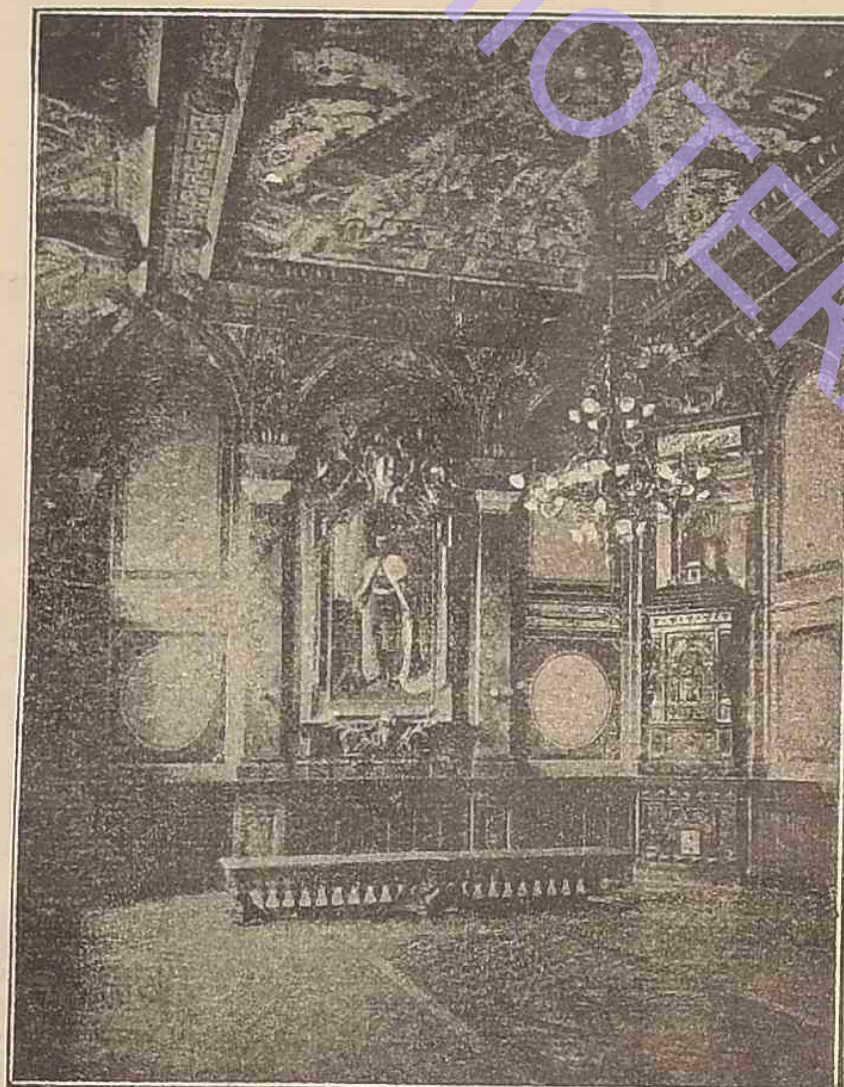
II.

Горы, горы безъ конца... Цѣлый океанъ застывшихъ громадь. Между ними дикія ущелья — холодныя и безднныя. Далеко окрестъ все мертво и пустынно. Словно никогда не ступало здѣсь живое существо, даже воздухъ цѣмъ и неподвиженъ. Не прожужжитъ въ немъ насекомое, не прокричитъ птица...

На десятки и сотни верстъ безъизменно длинной цѣпью тянутся черныя голыя скалы, густо усеяныя камнемъ-динаремъ. На скалахъ, далеко уходящихъ въ самыя небеса, легкой дымкой несутся облака, ниже облаковъ сверкаютъ полосы снѣга, еще ниже зловѣщими призраками встаютъ кроваво-красныя холмы. Здѣсь удивительное и самое разнообразное сочетаніе красокъ.

Гимназическая церковь.

Антоновъ залъ.

50-лѣтній юбилей одесской 2-й гимназіи.

пророкъ! Госпожа моя! Ни одной минуты не думай, что дремлетъ Всевышній око! Алла кара етъ виновнаго и спасетъ невиннаго. А ужъ кто отъ Тигра до Стамбула чище и безгрѣшнѣе нашего свѣтлаго солнышка? Ему ли не побѣдить Ахмета? Одинъ взгляды его свѣтлыхъ очей — клянусь тебѣ — уничтожить этого презрѣннаго пса! Ахметъ не боится, какъ жалкій трусъ. Онъ долженъ погибнуть отъ золотой руки нашего владыки. Но что съ тобой, Альбай?.. Тебѣ грустно — я вижу слезы на твоихъ глазахъ! Ложись здѣсь подъ лотосомъ, моя госпожа!.. И прочту молитву изъ священнаго корана, и твоя душа успокоится въ сладкомъ снѣ!

— О, Азизъ! Но могу я уснуть — далеко отъ меня покой! О Азизъ! Прислушайся къ той бурѣ, что бушуетъ въ моемъ сердцѣ! И зачѣмъ я послушалась его? Зачѣмъ не побѣдила я вы-

крупная слезы закапали изъ широко-раскрытыхъ глазъ.

Уже давно окончили молитву правоверные. Уже разсыпались они въ мечети по шумнымъ улицамъ. Но Альбай продолжала выѣтъ со священными молитвами корана шептать молитвы, подсказанныя ей сердцемъ:

«О великій Алла! Защити Омара отъ злой пуги! Спаси его отъ хищнаго Ахмета. Ты одинъ видишь мою душу, ты одинъ знаешь, что я готова отдать себя всю за одну каплю его крови. Въ немъ одномъ для меня весь міръ. Алла, отдай мнѣ Омара!»

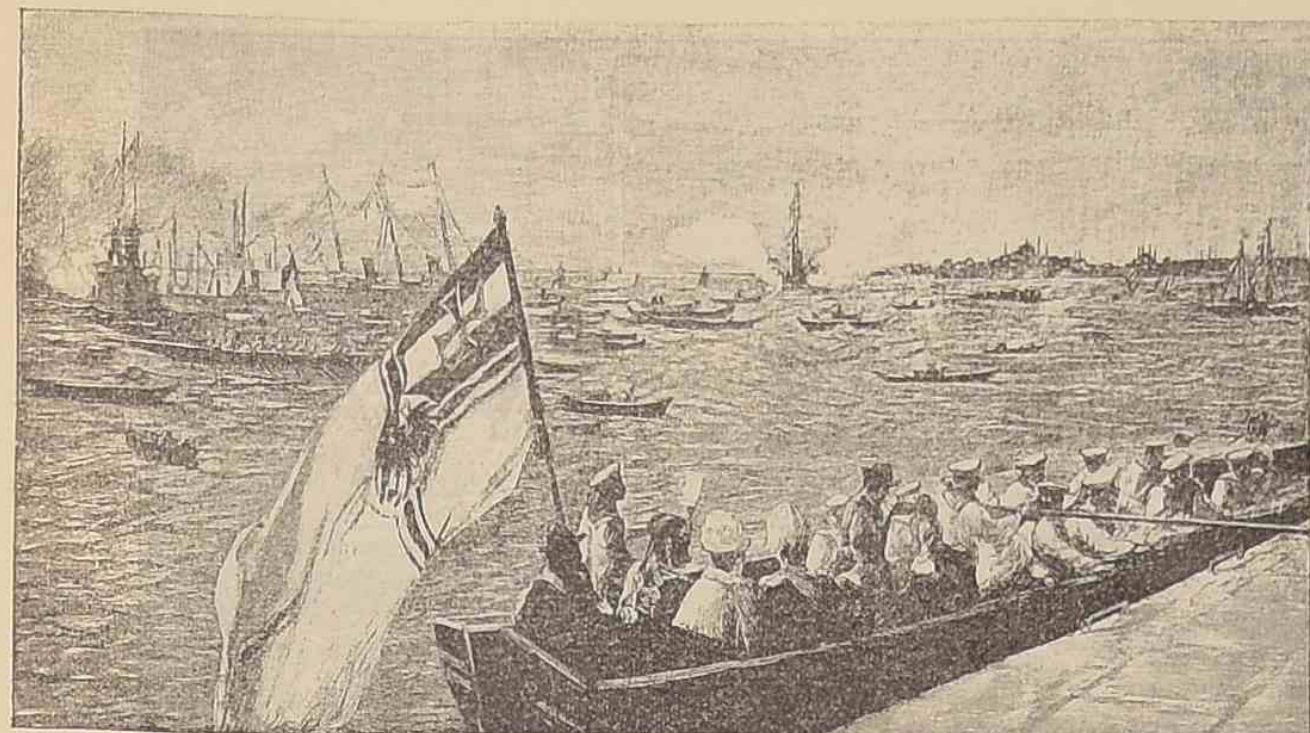
Лишь только сошла на землю черная ночь, Азизъ тихо подошла къ двери. Проворно, какъ тритонъ, скользнула она въ просторную оу *).

*) Нѣчто вроде спальни.

Грубая, но величественная красота земли рѣзко отбѣляетъ мѣскую, нѣжную прелесть небесъ. А вонъ далеко, далеко подъ небомъ Дагестана разстилаются бѣлесоватыя туманы...

Разбойникъ Ахметъ нашелъ въ этомъ пустынномъ океанѣ горъ удивительный уголокъ. Въ немъ, казалось, жило само зловѣе. Надъ прозрачными, студеными ключомъ склонилась полная жизни деревня; густая, сочная трава, спелая рожь, росла подъ ихъ сѣнью, и маняла въ ласкалы чудными ароматами роскошный коверъ природы.

Много объ Ахметѣ ходило страшныхъ слуховъ, отчасти справедливыхъ и вѣрныхъ, отчасти вымышленныхъ и разукрашенныхъ. Его пеломъ курды и армяне пугали дѣтей. Это былъ злой духъ горъ, ихъ темнота и ужасная сила. Это былъ вампиръ, сосавшій населеніе Закавказья.

Путешествіе германскаго императора въ Палестину. — Прибытіе императорской четы въ Константинополь.

Его мѣткой пули не миновать было ни гауру, ни правове́рному. Какъ паукъ разставлялъ онъ свои сѣти въ самыхъ заманивающихъ мѣстахъ и, ужъ разъ поймалъ жертву, высасывалъ ее до послѣдней кровинки. Онъ былъ назойливъ, золъ и кровожаденъ. Голодная горилла, волчица, у которой убили дѣтеншей, бенгальскій тигръ — одинъ только могъ бы сравниться съ Ахметомъ въ свирѣпости. И изурожистъ у него была самая ужасная: это былъ маленькій, худощавый человѣчекъ съ кривымъ лицомъ, морщинистымъ, какъ печеное яблоко. Кривоногий, беззубый, съ мутными, неопредѣленнаго цвѣта глазами, онъ къ тому еще былъ заика ужаснѣйшій. Но слухъ, чутье, зрѣніе — безукоризненные, словно лошади, собачья и коршуны соединились въ этомъ отвратительномъ созданіи. Неудовольствію, какъ вѣтеръ, неуловимый, какъ облака, Ахметъ съ толпой отчаянныхъ джигитовъ и головорѣзовъ всегда налеталъ быстро, какъ ураганъ, не смущаясь силой противниковъ. Такъ небольшая семья пахтеръ въ степяхъ южной Америки бросается на стада могучихъ бизонъ, чтобы насосаться горящей ихъ крови. На легкихъ коняхъ своихъ, подымавъ огни, Ахметъ съ шайкой своей былъ сегодня тутъ, а завтра гдѣ-нибудь за сто верстъ въ неприступной расщелинѣ скалы или въ амѣ подъ нависшей горой.

У курдовъ и изидовъ есть сказка, которая начинается такъ:

«Пѣшій и конный, берегись той дороги, гдѣ за чернымъ камнемъ засѣлъ Ахметъ! Страшно ружье въ искалѣченныхъ рукахъ этого злого бандита! Страшенъ Ахметъ нечеловѣческой силой своего духа. Это — дьяволъ, сброшенный съ неба на грѣшную землю, — это созданье, обращающее рай въ адъ... Ахметъ поймаетъ тебя живьемъ на протѣжѣй дорогѣ — берегись, пѣшій и конный...»

Въ такомъ человѣкѣ въ силу необходимости встрѣтился и столкнулся на одной доскѣ удалой казакъ Борисенко.

Это была борьба двухъ богатырей. Разбойничья коса Ахмета наткнулась на страшный камень кубанскихъ степей.

Борисенко — казакъ съ головы до ногъ. Его вырастили и закаляли безпределныя степи надъ бунтующей Кубанью. И не разъ приходилось ему въислѣдствіи — во дни возмужалости, летать орломъ по горамъ Закавказья, презирая опасности

и страхъ. Онъ, какетни, не побоялся бы по-смотреть въ лицо самой смерти.

Въ самыхъ опасныхъ перестрѣлкахъ онъ бывалъ всегда впереди своего отряда и какой-то могучій, одушевленный токъ бѣжалъ отъ него къ толпѣ людей, слѣдовавшихъ за нимъ. Дѣйствовали ли такъ заразительно его полные огни крики или вся его фигура, дышавшая огнемъ или необыкновенная подвижность и быстрота движеній, или все это вмѣстѣ, — трудно сказать, но фактъ тотъ, что отрядъ людей изъ его рукахъ отъ его мѣткой пули. И правду сказать, стрѣлялъ онъ безукоризненно. Одинъ его пріятель утверждалъ, что Борисенко могъ-бы изъ своей винтовки выбить глаза у мелкаго наѣбкомаго. Въ населеніи онъ приобрѣлъ себѣ популярности

необычайную. Старики, дѣти, молодухи выходили смотрѣть на него, какъ на диконину. Его даже прозвали «шайтанъ Борисенко». Вѣтъ объ его прѣздѣ въ какое-нибудь селеніе передавалась быстро изъ устъ въ уста. — Теперь ни одинъ разбойникъ не сунется къ намъ, — говорили жители, — развѣ только Ахметъ.

Прозваніемъ «шайтанъ» курды хотѣли показать, что Борисенко вездѣ посѣблялъ, вездѣ дѣйствуетъ успешно, какъ самъ чертъ, а этотъ рогаый господинъ существуетъ вѣдь у всѣхъ народовъ.

Однажды близъ поста, на которомъ находился Борисенко, раздался выстрѣлъ; скоро за нимъ послѣдовали въ отдаленіи другой, третій. Поднялась обычная тревога. Отрядъ ископалъ на лихихъ коней и марш-маршемъ двинулся въ горы.

Видѣли ли вы когда-нибудь казаковъ, бѣгущихъ на перестрѣлку? Это — картина глубоко трогательная. Здѣсь быстро сдѣлаютъ порою кони, а онъ хрипитъ и визжитъ на дыбы — тамъ на бѣшеномъ карьерѣ перебрасывается за плечо винтовка, тутъ казакъ на бѣгу хватается панаху и благоговѣнно осыплетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Все вокругъ сознаетъ важность наступающей минуты, все живое слышитъ шаги приближающейся смерти. Быстро неслись казаки. На добрыхъ степныхъ коняхъ своихъ они засорѣлись огнемъ — и жутко, и весело летѣтъ въ безконечную даль на невѣдомую опасность. Жажда подвига въ каждомъ казакѣ, боевая слава его ближнихъ, сознаніе долга, — все это могучіе рычаги, способные двинуть ихъ въ самый адъ.

И то мѣсто, куда примчался, наконецъ, отрядъ, было дѣйствительно адомъ. Радавались умоляюще крики, слышались одиночные выстрѣлы, бѣжали вразмытую полосу жгучаго близкаго села. Самый воздухъ, казалось, стоялъ, какъ умирающій.

Борисенко быстро сообразилъ, въ чемъ было дѣло. Такъ оно и оказалось потомъ. Спѣшный отрядъ разбойниковъ съ Ахметомъ во главѣ напалъ на пастуховъ многочисленнаго стада и, пе-

А. Розе. А. Зибертъ. П. Штейнеръ. Р. Гуммеръ. Струнный квартетъ Розе (въ предстоящихъ концертахъ въ Одессѣ).

На полковомъ праздникѣ 8 го донскаго казачьяго полка.

(Съ фотографіи „Прогресса“).

Константинъ Андреевичъ Пятницкій,
директоръ гимназій.

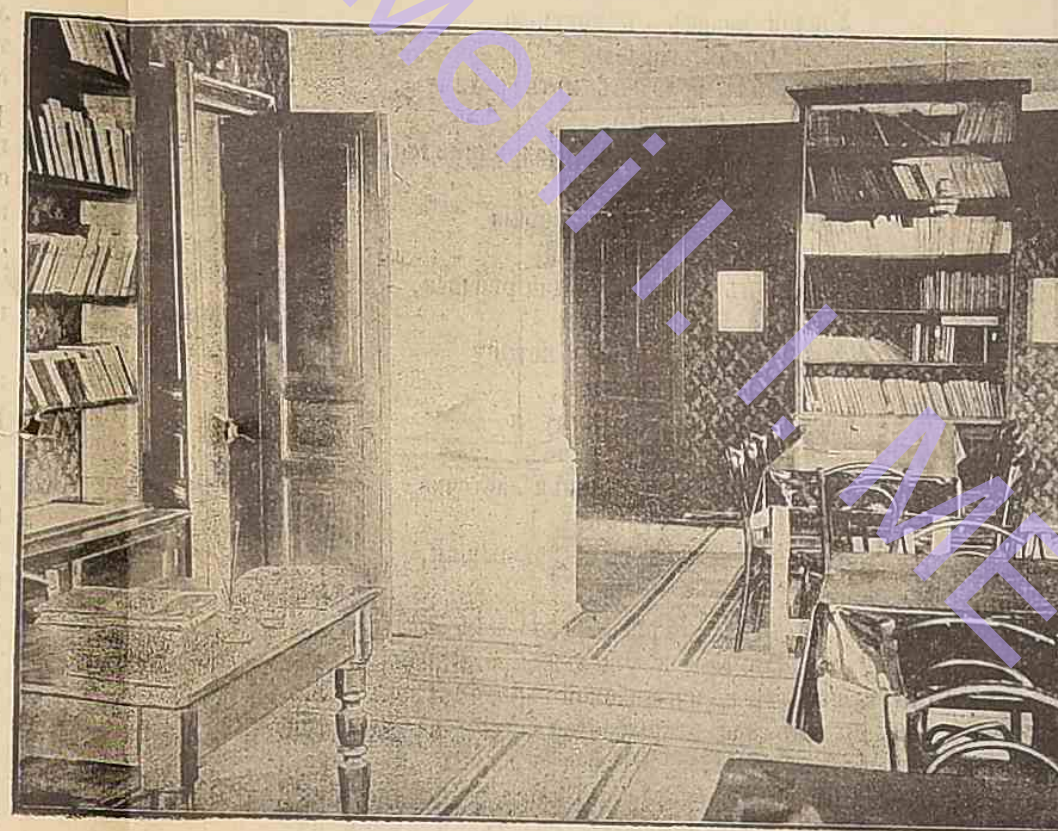
Фасадъ гимназіи по Старопортофранковской ул.

50-тилѣтній юбилей одесской 2-й гимназіи.

Молебствіе.

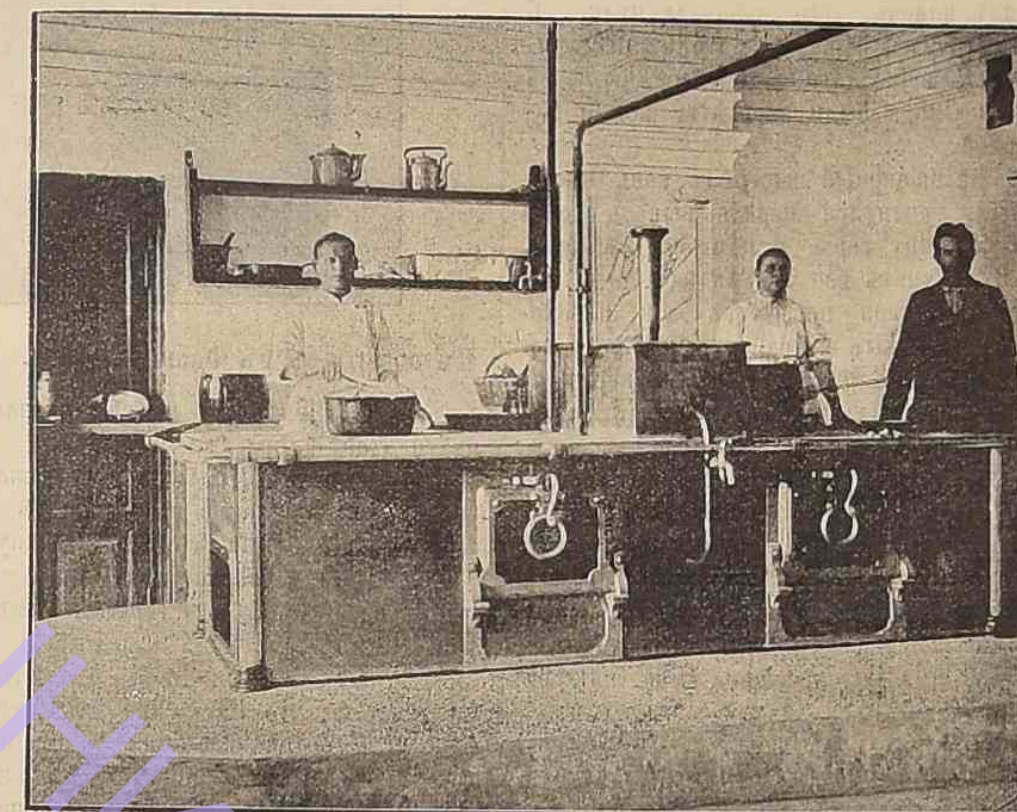
Одесса.—Открытіе чайной и зала народныхъ развлеченій попечительства о народной трезвости.

Библіотекa.

Одесса.—Открытіе чайной и зала народныхъ развлеченій попечительства о народной трезвости.

(Со снимковъ г. Наака)

Кухня.

Автотипія „Одес. Нов.“

ребивъ въ некоторыхъ, стали угощать скотъ въ предѣлахъ Турціи, какъ свою собственность. Завизжалась перестрѣлка. Казаки скоро отбили стада у грабителей и передали ихъ законнымъ владѣльцамъ. Пользуясь темнотою надвигающейся ночи, разбойники подобрали своихъ раненыхъ и убитыхъ соучастниковъ и скрылись въ горахъ.

Съ этого дня Ахметъ и Борисенко почувствовали другъ къ другу самую лютую, самую непримиримую ненависть. Въ первомъ кинѣла жажда мести за погибшихъ единомышленниковъ и единовѣрцевъ, во второмъ заговорили злость молодого льва, выпустившаго изъ своихъ когтей матерого тигра.

III.

Случилось какъ то разъ Борисенко почевать въ домъ одного знатнаго курда. И хозяинъ и гости разговорились по душѣ. Борисенко сказалъ наконецъ, что онъ ѣдетъ искать Ахмета. Курды покачала головой и съ участіемъ произнесли:

— И скажу тебѣ правду, мой добрый гость, мнѣ страшно и жалко тебя. Не должна идти овецка противъ голоднаго волка. Гдѣ тебѣ съ Ахметомъ бороться?

— Ты меня принимаешь за овецку? Ха-ха-ха! Хозяинъ! Неужели ты не слышалъ ничего о казакѣ Борисенко?

— Слышалъ! Но все таки мнѣ жаль тебя. Если хочешь, я расскажу, какъ Ахметъ убилъ одного знатнаго турецкаго воина по имени Омара.

— Расскажи, хозяинъ.

— Великій визирь разсердился на Ахмета: онъ грабилъ и убивалъ подданныхъ султана. Великій визирь послалъ противъ Ахмета храброго Омара съ отрядомъ воиновъ. Омаръ долго искалъ знаменитаго разбойника, но не находилъ нигдѣ. Однажды Омаръ ѣхалъ по узенькой горной дорожкѣ. Его людямъ пришлось поневоѣ растянуться длинной полосою, такъ какъ справа поднималась высокая и крутая скала, а справа была страшная пропасть. Вдругъ съ вершины скалы раздался выстрѣлъ. Омаръ задрожалъ, быть можетъ, въ первый разъ. И не успѣвъ онъ поднять голову вверхъ, какъ оттуда полетѣли сотни и тысячи камней, заранѣе приготовленныхъ. Кого пощадилъ камень, того добивала пуля. И не были видны враги, поставившіе этотъ убійственный дождь. Конечно, это былъ Ахметъ со своей шайкой! Люди Омара были перебиты всѣ и потомъ ограблены.

Когда раздался первый выстрѣлъ, конь Омара, какъ бѣшеный, рванулся впередъ, вынесъ своего всадника на вершину горы и помчался съ нимъ черезъ поляну. Ахметъ все это видѣлъ. Онъ видѣлъ, что люди Омара погибнутъ всѣ, и захотѣлось ему не упустить его самого. Быстро вскопчал онъ на своего Кара-Курта и полетѣлъ за Омаромъ. Кони обоихъ всадниковъ чувствовали страшную опасность, они неслись быстрее птицъ. Подъ Омаромъ конь былъ лучше, но онъ былъ уже измученъ ѣздой за цѣлый день, а Кара-Куртъ Ахмета рвался впередъ—онъ былъ совершенно свѣжъ.

Но долго длилась погоня.

Ахметъ на всемъ скаку приближался и выстрѣлился. Злая пуля пронеслась мимо. Омаръ повернулся и отвѣтилъ двумя выстрѣлами. Мимо...

Ахметъ снова приложился къ ружью. О, ужасъ!.. Конь подъ Омаромъ вдругъ упалъ, смертельно раненый. Всадникъ влекопалъ изъ сѣдла и ударился головой о землю. Онъ остался неподвиженъ въ глубокомъ обморокѣ, а конь трепетно бился, силится встать, но, поднявшись на переднія ноги, вдругъ беззвучно падъ въ нередементныхъ судорогахъ. Казалось,

смерть текла изъ казавъ коня... Ахметъ между тѣмъ обезоружилъ Омара и крѣпкой веревкой скрестилъ его руки назадъ за спину. Неостеримая боль и холодная вода, которую поднесъ Ахметъ къ губамъ своего павшаго, привели его въ чувство. Онъ открылъ глаза и тяжело застоналъ.

Разбойникъ съѣлъ надъ Омаромъ и сталъ смотрѣть ему въ лицо.

— Ну, вотъ попался,—сказалъ онъ наконецъ,—попался въ мои руки; такъ смотри же, какъ Ахметъ умѣетъ мстить.

Молча стиснулъ онъ его руки еще крѣпче, такъ что веревки вѣзались въ самую кожу, молча неунуль онъ тринку въ его ротъ, чтобы не могъ кричать, потомъ принялся камнемъ медленно бить его по головѣ... Потомъ сталъ вколачивать колья въ его глаза, сталъ рѣзать па выды, носъ, уши... О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!..

Долго длилось мученіе. И хозяинъ, и гости были подъ впечатлѣніемъ страшнаго разказа. Наконецъ, Борисенко вскопчалъ, топнулъ ногой и сказалъ:

Къ событіямъ въ Фашодѣ.—Кап. Баратьеръ.

— Хозяинъ! Ты долженъ сказать мнѣ, гдѣ найти этого звѣря. Слышишь?

— Хорошо! Я скажу, я даже пальцемъ укажу его! Только не поймай тебѣ Ахмета никогда. Скорѣе догонишь ты собственную тѣнь.

Молодая кровь горячей волей хлынула въ голову казака. Вся его гордость такъ и подилась на дыбы.

— Что говоришь ты, хозяинъ? Неужели ты думаешь, что Борисенко побойтся идти на Ахмета. Или конь его быстрее моего? Или рука его сильнѣе? Или больше у него товарищей?

— Нѣтъ, мой гость, я этого не думаю. Но не настигнешь тебѣ этого барса—никогда, понимаешь, никогда! Я вижу, ты сердился на меня, лицо твое стало теперь такое страшное—но выслушай меня. И сейчасъ скажу тебѣ, гдѣ находится Ахметъ, но въ ты одинъ на него не пойдешь, не правда ли? Ты возьмешь съ собою

людей? И дѣло твое тогда будетъ проиграно. Этотъ шаваль уйдетъ изъ-подъ самыхъ рукъ твоихъ, ему за версту донесутъ, что бѣгутъ казаки! Вотъ если бы ты поѣхалъ одинъ!..

— Ха-ха-ха! Ужъ не думаешь ли ты, что одинъ я побьюсь идти на него? Эй, казакъ! сѣдлать моего коня! Да винтовку скорѣе сюда, да поясь съ патронами. Слышишь? Живо! Ну что, хозяинъ, я готовъ къ бою. Видишь? И такъ, скажи, гдѣ могу я сейчасъ найти Ахмета?

— Мой гость! кланюсь Каабой и священной Меккой, я никогда не видалъ такого удалца, какъ ты! Знай же, что Ахметъ теперь въ Джаф-фуръ подъ Аю-Дагомъ,—въ добрый путь, мой гость! Магометъ да будетъ тебѣ защитникомъ, да поможетъ тебѣ великій Алла освободить край отъ безжалостнаго звѣря!

IV.

Тихо выѣхалъ Борисенко со двора именитаго курда. Онъ остался теперь одинъ—одинъ между дикими, пустынными горами. Бросилъ онъ поводья на лужу своего сѣдла и заткнулъ пѣсню родной стороны. Его голосъ ярко звучалъ въ вечернемъ воздухѣ. Но не было ему отклика въ природѣ, такъ мрачно и дико было все окрестъ него—ни пѣньи птицъ, ни топота копытъ, ни скрипа арбы, ни жужжанія павшаго, словъ о все живое вымерло.

И на весь этотъ грозный океанъ застывшихъ валовъ заходящее солнце бросало свои прощальные лучи. Черныя, оголенные скалы, словно раненые великаны, ярче сверкали своими кроваво-красными оврагами—мрачными и безплодными. А на небѣ были праздники. Тамъ голубыя, розовыя, лиловые полосы переплелись между собой въ самыхъ чудныхъ сочетаніяхъ, оттуда лились потоки свѣта, и лучи небесные, казалось, цѣловали эти морщинистыя мѣста угрюмой земли.

Борисенко ѣхалъ шагомъ, его кривной набардинецъ опустил голову и шелъ невесело—онъ какъ-бы чуялъ близкую опасность. А всадникъ унывалъ словами своей пѣсни, и слеза за слезой тихо катилась изъ его глазъ.

Межъ горами, межъ высокими

Ѣхалъ молодецъ,

Удалой казакъ съ могучею

Силою, гордою.

Вспомнилъ молодецъ мать родимую,

Отца стараго,

Вспомнилъ молодецъ—закручинился

По молодухамъ.

Изъ очей его слезы горькія

Липли рѣвучей,

Далеко къ стенамъ сердце рвалось,

За Кубань рѣку.

Кто же скажетъ правду истину

Тамъ на родинѣ,

Какъ здѣсь сохну, вилу я

По родинѣ моимъ?

Отнеси пригнѣть, летунья ласточка,

Моей матушкѣ,

Ахъ, отдай мнѣ свои крылышки,

Ты ласточка!

Долго ѣхалъ Борисенко по наменитымъ горамъ, по долинамъ и ущельямъ. Наконецъ достигъ онъ горы, называемой «Бойей Глазъ», потому что съ нея открывается видъ на десятки верстъ кругомъ. Отсюда видны и сѣверная голова Арарата, и бѣлыя зданія Эривани, тонущей въ зелени своихъ садовъ, и змѣей извивающейся Араксъ. Крѣпко забилось сердце одинокаго всадника, когда передъ взоромъ его открылась та мѣстность, въ которой указывали Ахметъ. Тайный голосъ сталъ шептать ему:—Зачѣмъ ѣдешь ты, безумецъ, на вѣрную гибель? Одинъ въ разбойничьемъ гнѣздѣ, ты будешь убитъ и

изуродовать даже послѣ смерти... Въ твоѣмъ бѣломъ тѣлѣ будетъ всажена не одна пуля, горный орелъ выклюетъ твои зоркіе глаза и шаваль размахнетъ по горамъ сильными руками!

Ну, вотъ и Аю-Дагъ...

П. Бакалейниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разныя разности.

Пѣвица предъ судомъ. Нѣкто В. Картеръ, живущій въ предмѣстьѣ Лондона, потребовалъ недавно къ суду свою сосѣдку, требуя, чтобы ей судомъ приговоромъ было запрещено пѣніе.

Судья нашелъ это требованіе несправедливымъ и спросилъ даму, много ли она поетъ.

— Часъ утромъ и часъ вечеромъ,—отвѣтила пѣвица.

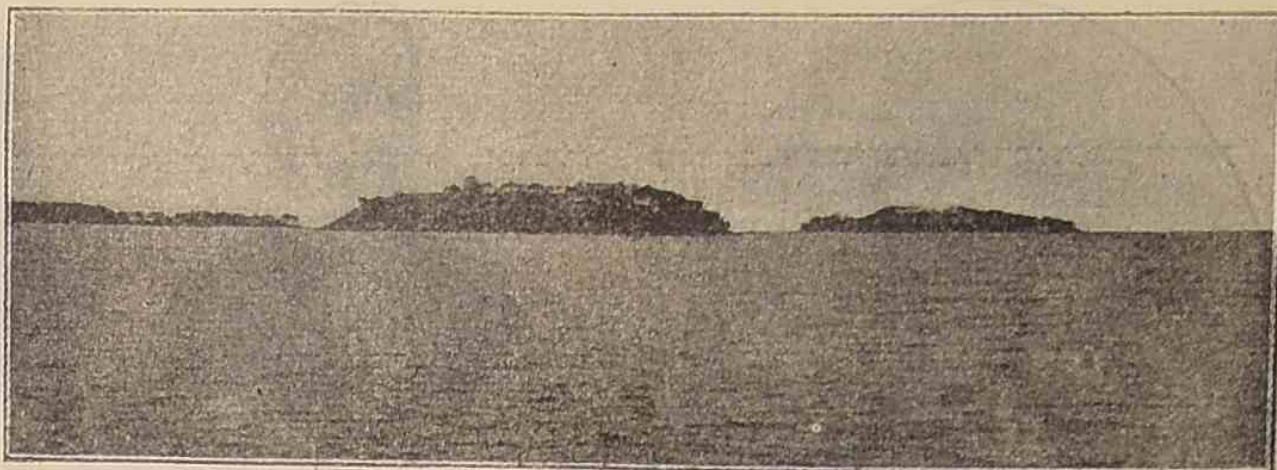
— Только два часа!—сказалъ судья,—это не можетъ служить поводомъ для жалобы!

Вѣднѣй Картеръ позволилъ себѣ замѣтить, что судья не можетъ произнести справедливаго приговора, пока не услышитъ такъ называемаго пѣнія этой дамы собственными своими ушами; поэтому онъ требовалъ, чтобы обвиняемая что нибудь спѣла. Дама охотно приступила къ исполненію какой-то арии. Но едва только въ судейской залѣ раздался первый тактъ, какъ судья всталъ со своего мѣста и съ отчаянными жестами закричалъ: „Довольно! Довольно! Дѣло рѣшено!“

Дамѣ было воспрещено пѣть.

Гонецъ на флангъ. Какъ извѣстно, въ наше время фракъ считается костюмомъ, предназначеннымъ для особо торжественныхъ случаевъ: визитовъ, посѣщеній многолюдныхъ и феенбелльныхъ вечеровъ, а также для представлений высокопоставленнымъ лицамъ. Но, какъ видно, были времена, и не особенно давно, когда во фракѣ пѣлъ было пріѣзжать въ благородное собраніе. По крайней мѣрѣ, изъ двухъ рапортовъ московскаго оберъ-полицеймейстера Каверина генералъ-губернатору графу Салтыкову, относящихся къ 1892 г. и помѣщенныхъ въ послѣдней (октябрьской) книгѣ „Русской Старинѣ“, видно, что дѣла Моск. благор. собранія шли плохо именно потому, что туда не позволяли съѣзжаться во фракахъ. Дирекція клубовъ пришлось ходатайствовать у генералъ-губернатора,—допустить въ собраніе „одѣяніе, называемое фракъ“, во избѣжаніе окончательнаго прекращенія съѣзда гостей. Послѣ усиленныхъ ходатайствъ, гр. Салтыковымъ пріѣздъ во фракахъ былъ, наконецъ, разрѣшенъ.

Нападе-ле на нѣмецкаго профессора. Два турецкихъ всадника въ Арменіи у озера Ванъ напали на нѣмецкаго археолога профессора Велеки, занимавшагося изслѣдованіемъ Синаппъ-Дата, и выстрѣломъ изъ револьвера серьезно ранили его. Такъ какъ Германія не имѣетъ въ Ванѣ своего представителя, то британскій вице-консулъ Эдліотъ вмѣшался въ это дѣло и потребовалъ наказанія виновныхъ. Велеки, молодой ученый, который, еще будучи студентомъ, обратилъ на себя вниманіе цѣнными научными работами.

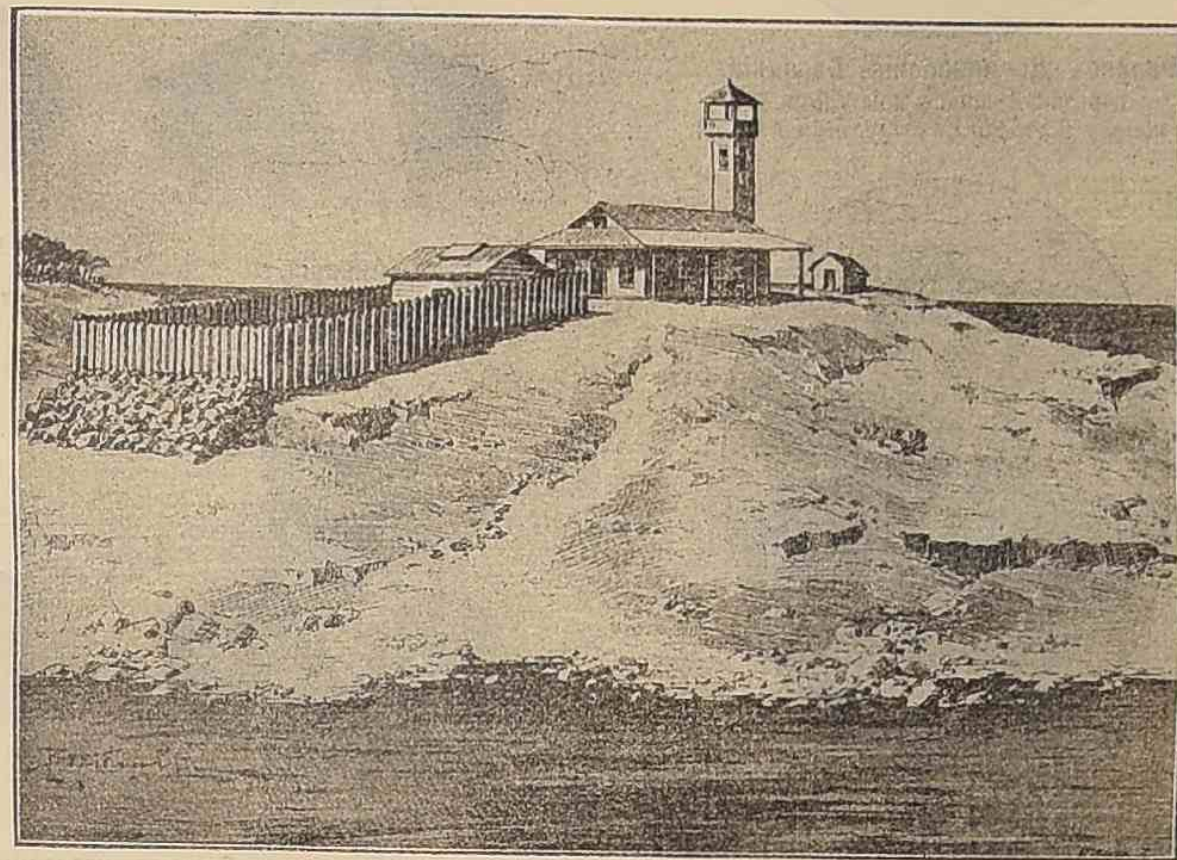

Чертвовъ о.

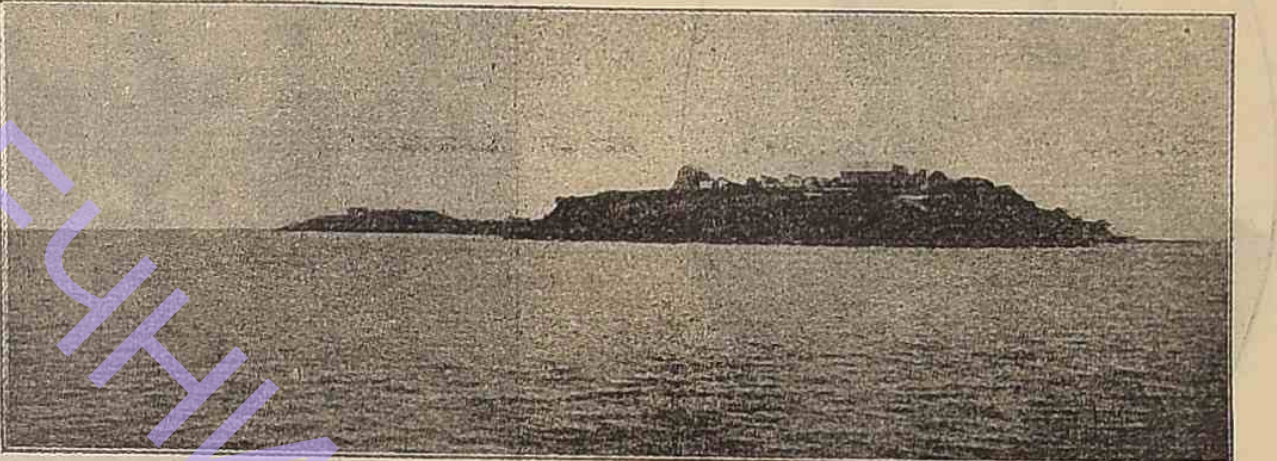
О. королевскій.

О. св. Іосифа.

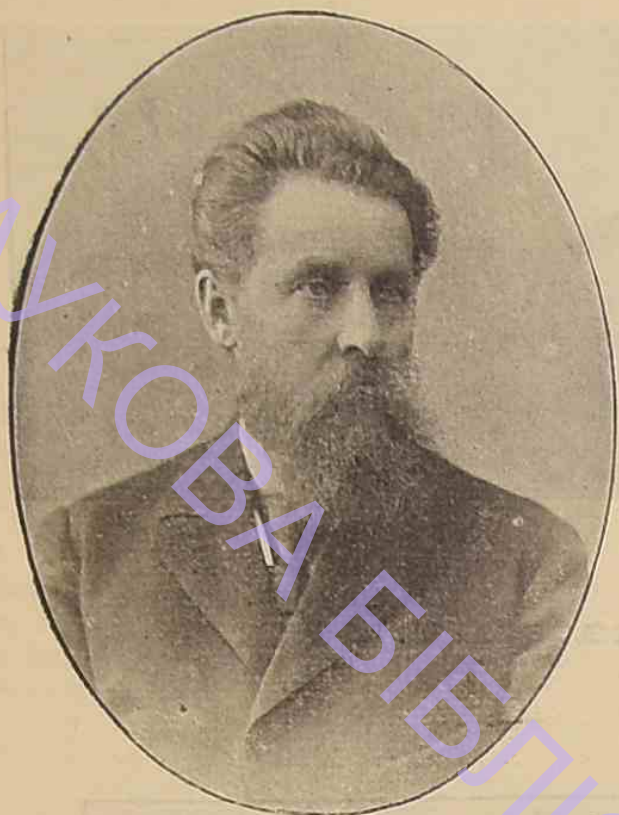
Острова спасенія.

Хижина Дрейфуса на Чертвовѣ островѣ.

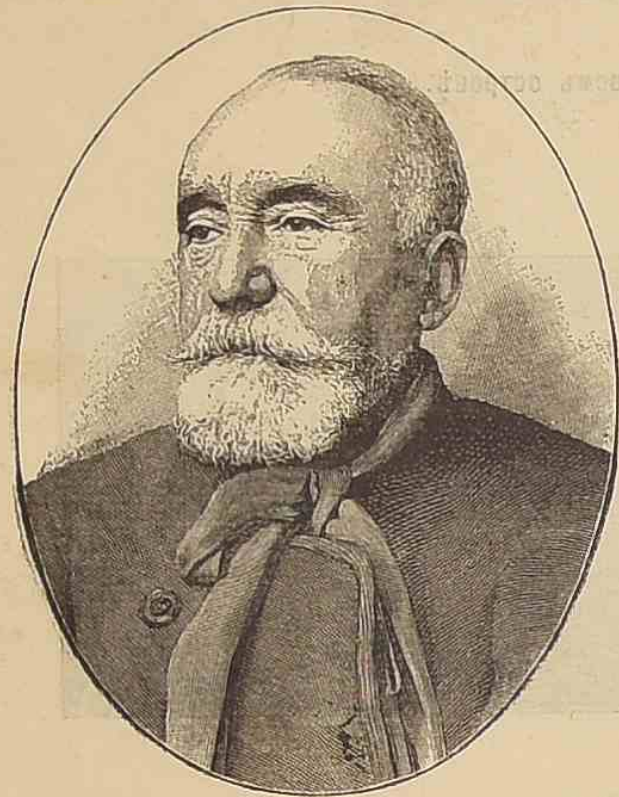
Чертвовъ островъ.

Феликс Доминикович Богацкій,
городской юрисконсультъ
(по поводу 25-лѣтняго служенія городу).

Евгеній Марковъ
(по поводу 40-лѣтняго литератур. дѣятельности).

Люви-де-Шаванъ,
знаменитый французскій художникъ.
† 26 октября н. с.

Левъ (предсѣд.).

Саллантенъ.

Дюпрэ.

Аннаріа.

Бардъ,
членъ докладчикъ.

Дюма.

Руліе.

Булошъ.

Атталэнь.

Составъ уголовной палаты кассационнаго суда.

Къ процессу Дрейфуса.

50-лѣтіе 2-й одесской гимназіи. — Ученичeskій оркестръ.